

Article No. 254

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.10>

Научно-исследовательская статья / Research article

Copyright © 2021 SRG and I. Smirnov¹

Citation:

Смирнов, И. (2021). Иван Бунин – медиатор непримиримых сторон. *Studia Rossica Gedanensia*, 8: 165–174. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.10>

Smirnov, I. (2021). Ivan Bunin – mediator neprimirimykh storon. *Studia Rossica Gedanensia*, 8: 165–174.

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.10>

ИВАН БУНИН – МЕДИАТОР НЕПРИМИРИМЫХ СТОРОН

ИВАН СМИРНОВ / IVAN SMIRNOV

Uniwersytet Łódzki / University of Lodz

Wydział Filologiczny / Faculty of Philology

Institut Rusycystyki / Institute of Russian Studies

ul. Pomorska 171/173, PL-90-126 Łódź, Polska / Pomorska St. 171/173, PL-90-126 Łódź, Poland

Corresponding Author e-mail: i.smirnow.edu@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3066-5591>

(nadesłano / received 1.10.2021; zaakceptowano / accepted 16.10.2021)

Abstract

Ivan Bunin as a mediator of irreconcilable parties

In the article the author examines the creative activity of I. Bunin, a Russian literature classic, from the point of view of mediation. Contrary to a popular belief that the writer focuses only on two main themes of love and death, the author questions the categorical judgments and argues that the artist's literary principles of opposing revolutionary bloodshed should be considered as the forerunners of mediation. The writer's thoughts, reflected in his diaries of poetry and prose, are permeated with the

---

¹ This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0 <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/>) which permits use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the article is properly cited, the use is non-commercial, and no modifications or adaptations are made. Publisher: University of Gdańsk. Faculty of Language [Wydawca: Uniwersytet Gdański. Wydział Filologiczny]

desire to prevent the destruction of the state, to find a compromise, and to preserve Russian culture, the purity of the language and Russia.

Keywords: Ivan Bunin, mediation, social revolution, hegemony, freedom.

Резюме

В статье автор рассматривает творческую деятельность классика русской литературы И. Бунина с точки зрения медиации. Вопреки устоявшемуся мнению о том, что писатель в творчестве сосредоточился только на двух главных темах – любви и смерти, автор подвергает сомнению категоричные суждения и приводит доводы, согласно которым литературные принципы художника по противостоянию революционным кровопролитиям, следует рассматривать как предтечи медиации. Помыслы писателя, отраженные в его дневниках, поэзии и прозе, пронизаны желанием предотвратить разрушение государства, найти компромисс, сохранить русскую культуру, чистоту языка, а значит, и саму Россию.

Ключевые слова: Иван Бунин, медиация, социальный переворот, гегемония, свобода.

Введение

Сегодня насилие – риторика века. Эта мысль, сформулированная более века назад испанским философом Хосе Ортегой-и-Гассетом, отражает современное состояние мира глобализма (Ортега-и-Гассет 2002: 109). Происходящая унификация современной жизни не опустила занавес в театре геополитических раздоров, и мировые цивилизации вновь стоят на пороге крупных социальных потрясений.

Общественно-политические предпосылки классового переворота в России в начале XX века обусловили появление на литературном небосклоне личностей с высоким уровнем патриотизма и гражданственности, пытавшихся словом противостоять агрессии, ратующих за мирное урегулирование вооруженных конфликтов. Задолго до официального признания медиации как одной из технологий по нормализации отношений конфликтующих сторон классик русской литературы Иван Бунин выступил медиатором в литературном формате, инстинктивно взяв на себя эту непростую миссию.

Медиацией (англ. *alternative dispute resolution*) называется технология разрешения конфликтов, в которой участвует третья сторона, занимающая нейтральную позицию. Задача медиатора состоит в том, что он должен помочь противоборствующим сторонам самостоятельно прийти к консенсусу по спорному вопросу. Метод был разработан в США в 60–70-х годах прошлого века и успешно апробирован в разрешении политических, семейных и производственных конфликтов. Задача медиатора состоит в подборе универсальных методов, на-

правленных на добровольный поиск конфликтующими сторонами адекватного решения спора. Автор книги *Медиация. Посредничество в конфликтах* Христоф Бесемер отмечал важность участия команды медиаторов в урегулировании политических разногласий. Он убежден, что «в политических столкновениях при помощи медиации можно избежать ненужной конфронтации и ожесточения» (Бесемер 2004: 11). Мирные формы урегулирования разногласий существовали у всех народов, достигших социальной зрелости, не являлась исключением и древняя Русь. В Новгородской республике в XIII веке распространенное повсеместно досудебное разбирательство с участием посредников из числа честных граждан применялось для разрешения большинства споров. И третейский суд, и мировой ряд предполагали обязательное участие нейтральных посредников, функции которых впоследствии стали выполнять медиаторы (Шупленков, online).

Альтернативное урегулирование спора

Октябрьская социалистическая революция 1917 года заставила российскую интеллигенцию сделать выбор: вступить с большевиками в эпоху возрождения и быть творцами новой истории или быть изгоями, не нужными своему Отечеству людьми. От предстоящего нелегкого выбора Бунин пребывал в замешательстве: прорывы враждебных его духу эмоциональных и когнитивных компонентов агрессии и низости вынуждали его покинуть страну, вступить в конфликт с бьющей в набат совестью, испытывая горечь предательства, ведь дальнейшую историю развития России он будет вынужден вяло наблюдать издалека. Но, по утверждению философа В. Розанова, именно «с великих измен начинаются великие возрождения. In nova fert animus (лат.) к новому влечет душа. Тот насаждает истинно новый сад, кто предает, предательствует старый, осевший, увядший сад...» (Розанов 2008: 318).

Не прикрываясь лозунгом «Не пощадим жизни для торжества революции», художник-реалист мигрировал во Францию и оттуда превентивно пытался донести до российского пролетариата, крестьян, интеллигенции, дворян и казачества мысль о том, что в борьбе за гегемонию они могут разрушить общий дом – Россию. Бунин чисто интуитивно, но все же верно пришел к мысли о необходимости посредничества в противостоянии социальных врагов. Он действует от имени России, но «не той, что предала Христа за тридцать сребреников, за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей, но все же до конца не покоренной» (Бунин 1991: 326).

Главнейшую задачу Бунин-медиатор видел в убеждении каждой из враждующих сторон понять позицию противника, распознать «спектр возможных причин конфликта» (Бесемер 2004: 30), а Бунин-гуманист имел намерение усадить всех за стол переговоров, даже если у них «налиты самогоном глаза» (Бунин 1991: 144).

Бунин, как истинный интеллигент, не мог принять насилия, но, как человек с концентрированным сознанием ответственности, решил бороться против поругания России большевиками, понимая, что феодально-крепостнические пережитки еще долго будут в силе. Анализ исторического опыта народных восстаний против эксплуататоров со времен декабристов подсказывал интеллигенции, что все еще может закончиться конституционными реформами и гражданской войны можно избежать, но Бунин почувствовал и прокомментировал утопическое настроение общества: «Подумать только, до чего беспечно, спустя рукава, даже празднично отнеслась вся Россия к началу революции, к величайшему во всей ее истории событию, случившемуся во время величайшей в мире войны!» – записывает он в дневнике 20 апреля 1919 года (Бунин 1991: 59).

Как отмечал российский историк К. Душенко, полотнища цвета крови объединили всех сторонников левых идей, а красное знамя превратилось в символ «международного социализма и рабочего движения» (Душенко 2018: 25).

Недооценивая размах политических реформ в России, Бунин в революции видел разыгрывание большого спектакля с выходом на историческую сцену новых фигур – вождей, идеологов, анархистов, белых офицеров, красных комиссаров и даже тонкую и гибкую пару нанятых влюбленных, представленную им в замечательном рассказе *Господин из Сан-Франциско* (см. Бунин 1988: 71). На рубеже веков брожение в народных массах происходило под руководством вождей новой формации, которые зачастую сами были выходцами из этой самой толпы.

И только литература, это спасительное искусство, смягчило личную социальную драму писателя: «Как потрясюще быстро все сдались, пали духом!» – возмущался писатель, утверждаясь в мысли, что надо действовать (Бунин 1991: 26). Амбивалентные суждения литературной российской элиты относительно смены общественного строя, сопутствующие оппортунистическому поведению, только укрепили уверенность Бунина в правильности выбранной концепции.

Боже милосердный, для чего ты
Дал нам страсти, думы и заботы,
Жажду дела, славы и утех?
Радостны калеки, идиоты,
Прокаженный радостнее всех.
(Бунин 1987а: 353)

Гуманизм Бунина не позволял ему спокойно смотреть на насильственное изменение общественного строя и связанные с ним массовые убийства, оправданные политическими лозунгами: «Свобода», «Равенство», «Братство». По мнению известного российского литературоведа П. А. Николаева, в эмиграции у Бунина не случилось больше длительных художественных подъемов, и от творческой катастрофы писателя спас только талант истинного художника и большой жизненный опыт (см. Бунин 1986: 7).

Покидая Отечество, писатель думал о свободе мысли и творчества, незыблемой оставалась для него эта установка и в годы эмиграции. Жизнь вдали от Родины внесла свои коррективы в мировоззрение писателя, и даже если он и не

чувствовал духовной силы, питающей его литературный дар, то все же сумел сохранить и пронести через годы высокий стиль поэзии и неизменность помыслов. Стихотворные строки, определяющие вектор гармонического бытия художника русской словесности Бунина, были написаны им задолго до отъезда из России.

Не собьет с пути меня никто.
Некий Nord моей душою правит,
Он меня в скитаньях не оставит,
Он мне скажет, если что: не то!
(Бунин 1987а: 340)

Художественную правду Бунин пронес через всю свою долгую творческую жизнь и, с присущей ему трезвостью ума, пытался призвать к толерантности в сфере «слова» представителей различных политических систем.

Как писал Ортега-и-Гассет, «творческая жизнь требует безупречности, строжайшего режима и самодисциплины, рождающих чувство собственного достоинства» (Ортега-и-Гассет 2002: 136). В соответствии с этими жизненными парадигмами, без приукрашивания действительности Бунин и выстраивал свой творческий универсум. Если рассматривать позицию писателя с точки зрения медиации, то Бунин не столько противился революционным переворотам в России, сколько, видя их неизбежность, пытался помочь соотечественникам справиться с последствиями реформационной эпохи, примирить и остановить в необоснованной жестокости двух классовых антагонистов – большевиков и меньшевиков. За внешней холодностью и даже повышенной строгостью Бунина-медиатора просматриваются попытки показать нелепость братоубийственной войны, уговорить народ осмыслить происходящее, поднять из глубин национального самосознания на поверхность истории свободу совести и мыслей, любовь и милосердие. Любовь, которую нужно почувствовать всем, по убеждению писателя, является началом всех поступков человека, но её «как будто нет и не будет на земле» (Бунин 1987b: 16).

Верующий человек в трудных жизненных обстоятельствах мысленно обращается к Господу. Гибель сознания народа писатель видит в том, что некому стало молиться у Богородичного образа «Утоли моя печали», некому просить Пресвятую Богородицу о ходатайстве перед Господом, чтобы страна получила истинное спасение. Не исторический переворот и потеря ценностей старого мира принесет вдохновение, а сохранение божественного миропорядка поможет спасти общество от социальных катаклизмов.

Одним из главных принципов медиации является незаинтересованность посредника в определенном исходе конфликта. Медиатор должен в равной степени представлять интересы всех сторон конфликта (Бесемер 2004: 19). Если бы Бунин остался в России, то, несомненно, был бы вынужден встать под красные знамена большевиков, но сложилось так, что положение эмигранта, которому отрезан путь домой, позволило ему быть беспристрастным. Горестно-пророчески звучат его слова: «Наша „пристрастность“ будет ведь очень и очень дорога для будущего историка. Разве важна „страсть“ только революционного наро-

да? А мы-то что ж, не люди что ли?» (Бунин 1991: 27). Писатель, как нейтральное лицо, в своих произведениях не отдавал предпочтения ни дворянскому сословию, к которому принадлежал по праву рождения, ни крестьянству, научившему художника видеть личность с поразительной силой, что недоступно большинству, и давшему ему жажду жизни – он всецело выступал только за справедливую коррекцию человеческих отношений. Ни в одном произведении Бунина нет даже намека на изменение общественного строя в России, завуалированных призывов отстаивать свои права, поддержки той или иной прослойки общества, а есть только объективное отражение действительности. В пору всеобщего смятения Бунин сохранял трезвость мыслей и, надеясь, что его услышат, продуктивно включился в медиативный процесс. Он приводил важные аргументы, предостерегая о последствиях революции, этой «кровавой игры в перемену местами» (Бунин 1991: 91). Высказанные негромко, но доходчиво для обеих конфликтующих сторон суждения передавали тревогу писателя за судьбу народа, которому, даже если и удастся «некоторое время посидеть, попировать и побушевать на господском месте», все равно в конце концов попадать «из огня да в полымя» (Бунин 1991: 91). Принадлежавший миру дворянской культуры по крови, Бунин выступал за социальное равенство людей всех сословий, за то настоящее равенство, которое дает только смерть.

Успех медиации во многом зависит от того, насколько высок авторитет медиатора. Участники конфликта могут сами выбирать медиатора, и он должен пользоваться их уважением. Это должен быть человек, к которому доверительно относятся участники спора и чья компетенция не оспаривается (Бесмер 2004: 19).

Бунин уехал в Европу уже признанным классиком русской литературы, имея известность и авторитет на родине, таким остался он и в эмиграции. Как ошибался другой известный российский писатель – «буревестник революции» – Максим Горький, когда считал таких, как Бунин, предателями:

Посмотрите, какой суровый урок дала история русским интеллигентам: они не пошли со своим рабочим народом и вот – разлагаются в бессильной злобе, гниют в эмиграции. Скоро они все поголовно вымрут, оставив память о себе как о предателях (...) (Горький 1987: 306).

Последний классик русской литературы, Бунин, вопреки всеобщим ожиданиям, находясь в эмиграции, не только не потерял духовную связь с Родиной и не впал в творческое забвение, но и получил всемирное признание: 10 декабря 1933 года король Швеции Густав V вручил ему Нобелевскую премию в области литературы. Бунин не был историком, не был и политиком, однако сумел понять эпохальное значение Великой Октябрьской социалистической революции не только в контексте российской истории, но и в свете одной из главных мировых социальных катастроф XX столетия.

Писатель пытался осмыслить глубину переворота в мышлении вчерашних крепостных, в одночасье ставших пролетариями. Для успешного достижения цели не требуется «исключения связи с одной из сторон конфликта», но этот контакт не должен привести к приоритету мнения одного из оппонентов. Пи-

сатель не поддерживал правящую российскую верхушку, хотя с гордостью констатировал, что «ни одна страна в мире не дала такого дворянства» (Бунин 1991: 66); не поддерживал и творческую интеллигенцию, иначе не писал бы о ней с таким сарказмом: «Страшно сказать, но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы просто несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем кричать и писать? А без этого и жизнь не в жизнь была» (Бунин 1991: 59); не поддерживал и народ, только сочувствовал его бедственному положению: «Нищих, дурачков, слепых и калек, – да все таких, что смотреть страшно и тошно, – прямо полк целый!» (Бунин 1987b: 14).

Бунин, пытающийся собрать в узел разъединенные историей судьбы некогда единого народа, не выступал в поддержку ни одной из сторон, но тем не менее сумел через всю жизнь пронести устойчивый круг интересов и ценностей.

Бесемер считал, что «медиаторы помогают участникам конфликта уяснить себе свои чувства и интересы и понятно выразить их» (Бесемер 2004: 19). Из дневниковых записей писателя следует, что Бунин, открыто определяя свою гражданскую позицию, надеялся заразить ответственностью за судьбу России населяющие страну народы: «Если бы я эту „икону“, эту Русь не любил, не видал, из-за чего же я бы так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так непрерывно, так люто?» (Бунин 1991: 58).

Вся Россия представлялась ему одним большим домом, богатым домом, со многими народами, живущими в нем, составляющими одно большое семейство, с самобытной культурой и талантами (Бунин 1991: 327). Писателя печалила невозможность вернуть дворянские усадьбы с милыми его сердцу садами, и дело не только в исчезновении вместе с ними привычного дворянского уклада, а в невозвратимости нетронутой России, с ее вечной «полевой тишиной», «былинной свободой и беззаветностью» (Бунин 1988: 221).

Свои мысли о российском политическом устройстве писатель вкладывает в головы спорящих персонажей повести *Деревня* – базарного вольнодумца-гармониста Балашкина и самоучки-писателя Кузьмы, называющего себя анархистом и не умеющего «толком объяснить, что значит – анархист?» (Бунин 1987b: 77). Недосказанность сквозит в строках: «Скажешь, – правительство виновато? Да ведь по холопу и барин, по Сеньке и шапка» (Там же: 56). У писателя до последнего была надежда: он считал, что города охвачены развратом, а вот в деревне «был еще некоторый разум, стыд», спасительная мудрость (Бунин 1991: 73).

И в этом трезвом смещении жалости и беспомощности, возражая самому себе, он констатирует: «Эх, и нищета же кругом! Дотла разорились мужики, трюнки не осталось в оскудевших усадьбишках, раскиданных по уезду... Хозяйина бы сюда, хозяйина» (Бунин 1987b: 17). Бунин и показывает такого хозяйина, крестьянина новой формации Тихона Ильича, сумевшего вырваться из бедности ценой невероятных усилий. Автор нелицемерно разделял позицию мужиков, которые «так и ахнули от гордости» (Бунин 1987b: 8).

Медиаторы не выступают в роли адвоката ни одной из сторон конфликта даже после неудачной медиации, но обязаны заботиться о том, чтобы было «компенсировано неравное положение участников в отношении власти» (Бесе-

мер 2004: 20). Медиация по-бунински заключалась в донесении до народа правдивости происходящих событий. Он считал, что доведенные до ослепления в своей ненависти пролетариат и буржуазия за неудовлетворенными личными амбициями не увидели и не оценили степень упадка великой русской культуры и воцарившееся русско-планетарное «Неуважай-Корыто, Бога не знающее, родства не помнящее» (Бунин 1991: 151). Классик русской литературы использовал медиативные практики тонко и не навязчиво, чтобы конфликтующие посредством его творчества могли увидеть себя со стороны.

Бунин понимал, что усилий по восстановлению старого порядка оказалось недостаточно: социалистическое государство набирало темпы строительства и крепло, занимая достойное место на политической карте мира. Медиация не принесла ожидаемых результатов, но она имела место быть, иначе не глумился бы Горький над судьбами примирителей:

Большинство же интеллигентов продолжает довольствоваться службой капитализму – хозяину, который, хорошо видя моральную гибкость своего слуги и утешителя, видя бессилие и бесплодность его примиренческой работы, начинает откровенно презирать слугу и утешителя своего и уже сомневается в необходимости бытия такого слуги (...) (Горький 1987: 300).

Впечатлительный от природы, «с необычно живым воображением» Бунин в жизни не мог быть никем другим – только писателем, а каждый писатель ответственен за исторический объективизм (Бабореко 1967: 8). С одной стороны, он был рад, что сохранилась русская ментальность, а с другой – для него исчезла последняя надежда подышать «этой березовой и полевой, хлебной сладостью и всей, всей прелестью России...» (Бунин 1991: 104). Бунин-медиатор, воплощая в произведениях идеи свободы личности, хотел духовного объединения народов, чтобы они своим дыханием отогрели общий дом – Россию.

Заключение

Компетентность в вопросах литературы и – что особенно выгодно отличает Бунина от многих писателей – неизменность убеждений, позволили ему выступить медиатором на литературном поле, опираясь на принципы взаимной эластичности в различных аспектах социума. Писатель уехал из России признанным классиком русской литературы, не вернулся на Родину и первым Нобелевским лауреатом. Он отлично понимал, что стал свидетелем социально-политического эксперимента, знакового события в мировой истории, которым являлась Великая Октябрьская социалистическая революция. Классовые противоречия, выплеснувшиеся грандиозным политическим и социальным переворотом в России, волной прошли по всем континентам. Революция как средство помогла русским пролетариям не духовно эволюционировать, а осуществить близкую мечту: почувствовать себя господами. Красные вожди дали людям веру в светлые идеалы, и им, по мнению классиков социальной психологии Г. Лебона и Г. Тарда, удалось снабдить толпы народа той грозной силой, которая называется верой и содействует «превращению человека в абсолютно-

го раба своей мечты» (Лебон, Тард 1998: 104). Современник Бунина, писатель Розанов, предсказывал, что «социализм пройдет, как дисгармония» (Розанов 2008: 157), а лозунги «Свобода», «Равенство» и «Братство» будут градом, который барабанит в окна, и очень многих побилло этим градом: самого Розанова, Бунина и еще миллионы россиян, погибших на родной земле или умерших в безвестности на чужбине. Оставаясь невосприимчивым к большевистскому идеологическому загрязнению, писатель с отчаянным упорством лечил категоричную классовую непримиримость и бессознательность донорским русским разнотравьем, разбавленным сиреневой пеной рассветов.

Умозрительные знания Бунина относительно социально-политического взрыва на Родине основывались на собственном жизненном опыте и писательской наблюдательности, а его литературный талант дворянско-крестьянского замеса позволил ему избежать дефензивности и импровизировать в соответствии с медиативными практиками. Бунин, как истинный медиатор, не навязывал мысли, он способствовал пересмотру, переоценке собственных взглядов участников конфликта.

Библиография / References

- Baboreko, A. (1967). *I.A. Bunin. Materialy dlâ biografii s 1870 po 1917*. Moskva: Hudožestvennaâ literatura [Бабореко, А. (1967). *И.А. Бунин. Материалы для биографии с 1870 по 1917*. Москва: Художественная литература].
- Besemer, H. (2004). *Mediaciâ. Posredničestvo v konfliktah*. Kaluga: Duhovnoe poznanie [Бесемер, Х. (2004). *Медиация. Посредничество в конфликтах*. Калуга: Духовное познание].
- Bunin, I. (1986). *Poëziâ i proza*. Moskva: Prosvetešenie [Бунин, И. (1986). *Поэзия и проза*. Москва: Просвещение].
- Bunin, I. (1987a). *Sobranie sočinenij: v 6 tomah. Stihotvoreniâ 1888–1952*. Т. 1. Moskva: Hudožestvennaâ literatura [Бунин, И. (1987а). *Собрание сочинений: в 6 томах. Стихотворения 1888–1952*. Т. 1. Москва: Художественная литература].
- Bunin, I. (1987b). *Sobranie sočinenij: v 6 tomah. Povesti i rasskazy 1907–1914*. Т. 3. Moskva: Hudožestvennaâ literatura [Бунин, И. (1987b). *Собрание сочинений: в 6 томах. Повести и рассказы 1907–1914*. Т. 3. Москва: Художественная литература].
- Bunin, I. (1988). *Sobranie sočinenij: v 6 tomah. Proizvedeniâ 1914–1931*. Т. 4. Moskva: Hudožestvennaâ literatura [Бунин, И. (1988). *Собрание сочинений: в 6 томах. Произведения 1914–1931*. Т. 4. Москва: Художественная литература].
- Bunin, I. (1991). *Okañnyye dni: Neizvestnyj Bunin*. Т. 10. Moskva: Molodaâ gvardiâ [Бунин, И. (1991). *Окаянные дни: Неизвестный Бунин*. Т. 10. Москва: Молодая гвардия].
- Dušenko, K. (2018). *Krasnoe i beloe: Iz istorii političeskogo âzyka: Sbornik statej*. Moskva: RAN INION [Душенко, К. (2018). *Красное и белое: Из истории политического языка: Сборник статей*. Москва: РАН ИНИОН].
- Gor'kij, M. (1987). *S kem vy Mastera kul'tury? W: Senin, V. (sost.), God 1917. Rossiâ. Petrograd: Očerki, stat'i, vospominaniâ: 298–307*. Moskva–Leningrad: Sovetskij pisatel' [Горький, М. (1987). *С кем вы Мастера культуры? В: Сенин, В. (Сост.), Год 1917. Россия. Петроград: Очерки, статьи, воспоминания: 298–307*. Москва – Ленинград: Советский писатель].

- Lebon, G., Tard, G. (1998). *Psihologijâ tolp. Mnenie i tolpa*. Moskva: Institut psihologii RAN, KSP+ [Лебон, Г., Тард, Г. (1998). *Психология толп. Мнение и толпа*. Москва: Институт психологии РАН, КСП+].
- Rozanov, V. (2008). *Apokalipsis našego vremeni*. Moskva: Èksmo [Розанов, В. (2008). *Апокалипсис нашего времени*. Москва: Эксмо].
- Šuplenkov, N. (2014). Formy graždanskogo kontrolâ v sudoproizvodstve Drevnej Rusi. Ūridičeskie issledovaniâ. *Istoričeskij naučno-populârnyj žurnal Rodina*, 11: 36–60. (Online) <https://rodinarg.ru/> (dostup: 25. 05. 2021) [Шупленков, Н. (2014). Формы гражданского контроля в судопроизводстве Древней Руси. Юридические исследования. *Исторический научно-популярный журнал Родина*, 11: 36–60. (Online) <https://rodinarg.ru/> (доступ: 25. 05. 2021)].

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.